

ПЕРЕКРЕСТОКЪ

ПАРИЖЪ
1930

Глушкову Василию
Владиславу Ивановичу
Иванову
отъ "Перекрестка"

Магнит, 15го июля, 1930 г.

Милые товарищи! Привет!

ПЕРЕКРЕСТОКЪ

ПАРИЖЪ

1 9 3 0

**КНИГА ЭТА ОТПЕЧАТАНА
ВЪ МАЪ 1930 ГОДА ВЪ
ТИПОГРАФИИ «ПАСКАЛЬ»
13, RUE PASCAL, PARIS - 5-
НА БУМАГЪ VELIN BLANC
« B I B L I O P H I L E »**

ИЛЬЯ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ

П Е П Е Л Ъ

Какъ пепла горсть, чиста моя печаль,
Какъ пепла горсть — легка.

Тоскъ тщедушной болѣе внимать
Я не хочу.
Ни воплямъ изступленнымъ
Отчаянья,
Ни блѣдному похмѣлью
Сомнѣнія.
Довольно. Претворилась.
И на протянутыхъ моихъ ладоняхъ
Жемчужный пепель
Вижу,
Пепель дымный.

О вѣтеръ подневольный!
Развѣй души моей свободный даръ. И въ чашахъ,
Осеннихъ легкошумныхъ чашахъ,
И въ полѣ чистомъ, и на кручахъ дымныхъ
Возстанутъ призраки испепеленныхъ лѣтъ,
Безпамятныхъ летейскихъ береговъ,
И скрытные приснятся людямъ сны,
Печальные и легкіе...

ПРОВАЛЪ ВЪ ПЯТИГОРСКЪ

Да, будетъ годъ, Россіи черный годъ.

М. Лермонтовъ.

Сей годъ насталь; о, горестный поэтъ,
Твой взоръ проникъ во тьму грядущихъ лѣтъ,
Твой стихъ пронзилъ мнѣ сердце, какъ кинжалъ;
Я тѣнь твою въ пустыняхъ горныхъ звалъ.
Въ успокоенія предательскіе дни
Тотъ край я посѣтилъ. Замри, усни
Въ моей душѣ, о голосъ мертвыхъ бурь,
Не возмущай воскресшую лазурь.
Но въ странномъ городѣ, въ тѣни пяти вершинъ,
Казалось мнѣ — ты здѣсь, я не одинъ,
Казалось мнѣ — лечу съ отвѣсныхъ скалъ,
Меня страшилъ обычный всѣмъ провалъ.
И чья-то тѣнь вставала на пути,
И до него я не посмѣлъ дойти.

МЕЛАНХОЛІЯ

На мотивъ изъ Альбрехта Дюрера.

Георгію Раевскому.

И ножъ зазубрился, и циркуль сломанъ.
Заржавѣлъ гвоздь, безмолвствуетъ топоръ.
Веселыхъ цеховъ стихъ упорный гомонъ.
И недостроенный стоитъ соборъ.

О преткновенія равносторонній камень!
О равноденствіе.

А на морѣ, вдали,
Надъ мертвой зыбью раздается Амен,
Но парусамъ не вѣрятъ корабли.

Нѣмотствуютъ таблицы тайныхъ знаковъ,
И червь грызетъ пергаментъ вѣщихъ книгъ.
Лишь тамъ, гдѣ нѣкогда вселенской славой
Сіяла сладострастная Венера,
Мерцаешь ты, вечерняя звѣзда.
Твой отдаленный обликъ порождаетъ
Высокое бездѣйствіе въ сердцахъ.

О Меланхолія! Въ вѣнкѣ изъ блѣдныхъ маковъ
Здѣсь на землѣ твой дѣвственный двойникъ,
— Въ одеждахъ бѣлыхъ юная химера —
Очами полыми глядитъ туда,
Гдѣ пролетаетъ нетопырь костлявый.
И на его готическихъ крылахъ
Твое святое имя прославляетъ
Магическая надпись...

А Н К О Н А

Оранжевый парусъ — въ полъ небосклона —
Дискъ лучезарный дня сокрылъ.
И я увидѣлъ тебя, Анкона,
При первомъ блескѣ вечернихъ свѣтилъ.

Тамъ, надо мною, янтарно-лиловый
Пологъ блѣднѣлъ небесной парчи.
И городъ мерещился средневѣковый,
И въ стеклахъ собора умирали лучи.

И въ каменныхъ доспѣхахъ молодой Кондоттьере
На гранитной гробницѣ въ притворѣ лежалъ.
А вокругъ романскіе грозили звѣри —
Оскаломъ клыковъ, язвами жалъ.

О, блаженство почить пораженному рокомъ,
— Ничего не надо, никого не жаль —
Въ приморскомъ соборѣ на холмѣ высокомъ,
Гдѣ литыя лампы колеблетъ мистраль.

Осушивъ до дна безнадежности чару,
Съ улыбкой предсмертной глядѣть — какъ скользить
Огромный оранжевый парусъ
Къ закатнымъ садамъ Гесперидъ.

М О Л Л Ю С К И

И въ этихъ массахъ скользкихъ, еле связныхъ,
Скользятъ сознанья сны.
Средь водорослей, травъ разнообразныхъ,
Въ мерцаньяхъ глубины.

Ты видишь ихъ? Что-жь, царственнымъ сознаньемъ
Сойди въ ихъ полусвѣтъ.
Тамъ тысячи подъ зыбкимъ колыханьемъ,
И сотни тысячъ лѣтъ.

Глубинные, придавленные всхлипы —
И вѣтръ твоихъ вершинъ?
Подводій мертвыхъ грузные полипы —
И міра властелинъ?

Мы близкія, мы крайнія ступени,
Сужденныя земнымъ.
И вѣдомо-ль, какія сходятъ тѣни,
Скользятъ по нимъ?

И сможемъ ли, нарушивъ тяготѣніе,
Отторгнувъ цѣпь существъ,
Са́ми собой, въ сіяньи отрѣшенья,
Возстать надъ сномъ веществъ?

АЛЕКСѢЙ ДУРАКОВЪ

Душа моя растеть и ширится. Тѣсны
Ей утлые просторы тѣла.
Вотъ такъ бы прынула къ предѣламъ вышины
И звѣзды дальнія задѣла.

И все бы ширилась, какъ полая вода,
Весь міръ любезный охватила,
Какъ сотни лѣтъ назадъ — вертепы, города
Лобзаніемъ холоднымъ смыла.

И міръ бы плавалъ въ ней, блаженный и большой,
Омытый, нѣжась и качаясь,
И всѣми гранями, и райской чистотой
Полно и ясно отражаясь.

Средь тишины ночей мечта — нашъ поводырь,
И кажется созвѣзды ближе.
Тогда сильнѣй порывъ и въ высоту и въ ширь,
И виденъ ты, Архистратиже!

А Р І О Н Ъ

Очаговъ чужеземныхъ пепель
На сандаліяхъ ветхихъ моихъ
Вѣчно радостень, вѣчно свѣтель
Заблудившійся въ сердцаѣ стихъ.

Не боюсь далекихъ скитаній,
Чудодѣйственной волей спасень
Отъ пучины невѣрныхъ лобзаній,
Какъ мой праотецъ Аріонъ.

И, бродя, по чужимъ долинамъ,
Подымая летучій прахъ,
Чужеземнымъ розамъ и кринамъ
Я хвалу воздаю въ стихахъ.

Но, Леванта пламенной ночью,
Подорожную сбросивъ суму,
Сплю и вижу во снѣ, какъ воочью,
Домъ мой славный въ огнѣ и дыму.

Словно море прихотлива
Красота души твоей.
Я — кипучій, говорливый
Многознающій ручей.

На вершинахъ неизвѣстныхъ
Душу я обрѣлъ мою,
Умудря страстью въ безднахъ
Многозвучную струю.

И притекъ къ тебѣ рѣкою,
Тихоструйной, но живой,
Сочетать мятежъ прибора
Съ величавою струей.

Позабуду-ль о лѣтней были,
О веселыхъ и яркихъ дняхъ;
О лучахъ, что тебя золотили,
На горячихъ прибрежныхъ камняхъ?

И песковъ зѣлобѣую розсыпѣ,
И плесканія смуглыхъ наядѣ,
И твою усталую поступь,
Потемнѣвшій отъ солнца взглядъ?

И взлетали отъ игръ пѣсчинки,
Расходились у алой воды,
Точно въ страны чудесъ тропинки
Золотые твои слѣды.

ЭЛЕГИЯ

To my Mary.

Здѣсь сумракъ, тишина и книга,
А міръ окрестный — гулъ зыбей.
Былое рухнуло отъ сдвиговъ
Въ тѣснинахъ памяти моей.

Зачѣмъ приходишь ты съ любовью
Въ мой дѣмъ, гдѣ счастье — тишина?
Душа святому суесловью
Не внемлетъ, внутрь обращена.

И рѣчью вкрадчивой поэтовъ
«Блаженныхъ дней» не обѣщай,
И не тревожь докучнымъ свѣтомъ
Мой тихій и суровый рай.

Екатеринь Гаронъ.

За окномъ — морозная луна,
Зимній свѣтъ, ночная тишина.
Но завѣшено твое окно
Плотной шторой вѣрно и давно.

За окномъ въ урочный часъ страшна
Надъ домами полная луна.
Но ты спишь, тебѣ не до луны:
Ты совсѣмъ другіе видишь сны.

За окномъ, подъ желтою луной,
Я брожу, упорный часовой.
Но твои полуночные сны
Не любовной радости полны.

Говорить о любви, о стихахъ,
О тебѣ, о себѣ самомъ,
Ожидать, что въ твоихъ глазахъ
Вспыхнетъ нѣжность чернымъ огнемъ.

А потомъ, возвратясь домой,
Лечь въ постель и укрыться теплѣй
(Было холодно этой зимой),
И въ безсонной дремотѣ моей

Все надѣяться, въ смутномъ бреду,
Что опять посѣтишь меня ты,
Что я съ новой рифмой найду
Новый образъ твоей красоты.

И когда забѣлѣетъ кровать
(Очень поздно свѣтаетъ зимой),
Эту радость снова назвать
Адской пыткой, смертью самой.

Что же дѣлать, если въ раю,
Въ лучезарности лѣтнихъ лучей,
Не забылъ я муку свою
И мечты морозныхъ ночей.

И снова — недоговоренность,
Моя любовь, ея печаль.
Простосердечная влюбленность,
Тебя, одну тебя мнѣ жаль.

Волнуясь и другихъ волнуя,
— Но только дальше не иди —
Люблю пьянѣть отъ поцѣлуя,
Отъ легкой нѣжности въ груди,

Ласкать послушливыя руки
(«Мой милый, я навѣкъ твоя»),
Но ждать безъ горечи разлуки,
Тревогъ напрасныхъ не тая.

А здѣсь... Но развѣ столько прозы
Дано сказать въ простыхъ стихахъ?
Цвѣтутъ чахоточныя розы
На впалыхъ высохшихъ щекахъ.

4

Любить несуществующих друзей,
А существующих ругать, конечно,
Не знать, что дѣлать съ нѣжностью своей
— Нѣжнѣйшая неволя безконечна —

И такъ за другомъ другъ, за годомъ годъ...
Но вдругъ уйдетъ волна воспоминаній
И нѣжность непрерывная уйдетъ,
И ты одинъ, въ холодномъ ресторанѣ,

За пивомъ, горькимъ, какъ любовный сонъ,
За неоконченнымъ обѣдомъ — сразу,
Поймешь, какую ложью былъ прельщенъ
— И оборвешь несказанную фразу.

Влад. Смоленскому.

Что этотъ міръ? Мы такъ различны въ немъ:
Я расточителенъ, ты скупъ и блѣденъ.
Но мы отъ одиночества умремъ,
И намъ скучна земля, и полдень блѣденъ.

Мы устаемъ отъ вѣтреныхъ друзей.
Но чѣмъ нужнѣй, чѣмъ ближе мы съ тобою,
Тѣмъ больше словъ ничтожныхъ и людей
Насъ раздѣляютъ бездною морскою.

Влюбленный плачетъ послѣ встрѣчи,
Свою тоску не утоливъ.
Въ его слезахъ мерцають свѣчи,
Въ его ушахъ шумить приливъ.

Любимый послѣ долгой ночи
Заплачетъ, что зашла луна.
Въ его мечтахъ волна грохочетъ,
Отлива зыбкая волна.

И горше всѣхъ въ часы разлуки
Себя разлюбленный клянеть,
— И моря тающіе звуки
Впервые заглушаетъ ледъ.

Но я случайныхъ слезъ не трачу,
Мнѣ чужды волны всѣхъ морей:
Отъ одиночества не плачутъ
Въ безцѣльной вѣрности своей.

ГЕОРГІЙ РАЕВСКІЙ

Бѣжить рѣка, — и нѣтъ ей дѣла,
Что солнце въ ней отражено,
Что неба сводъ вмѣщаетъ цѣлый
Ея сверкающее дно.

Но какъ таинственно, какъ дивно
Бываетъ смертному, когда
Онъ внизъ глядитъ, — и непрерывно
Несется свѣтлая вода,

И пролетающей волною
Какъ это небо отражень,
Съ легко мелькающей ладьею
И тонеть и не тонеть онъ.

Я ровно тридцать насчиталъ
Круговъ на пнѣ... Ровесникъ бѣдный!
Ты въ сентябрѣ еще блисталъ,
Еще шумѣлъ листвою мѣдной.

И вотъ — весна, и все кругомъ
Дрожить, сверкаетъ, золотится,
И на вершинѣ клена птица
Воздушный свой готовитъ домъ.

А ты... Зимой вокругъ костра
Огромныя носились тѣни,
И подъ ударомъ топора
Ты покачулся на мгновенье —

И рухнулъ навзничь... И шипя,
Снопомъ раскидывая искры,
Огонь кружащійся и быстрый
Переметнулся на тебя.

И языки подъ небеса
Бѣжали желтою толпою,
И до разсвѣта надъ тобою
Дымъ очистительный вился.

Той ночью въ комнатѣ моей,
Быть можетъ, безмятежно спалъ я.
Ровесникъ жалкій твой, что зналъ я
О смерти огненной твоей?

И мы идемъ растерянно съ тобой
Все по слѣдамъ утраченнаго лѣта,
Все тою же знакомою тропой,
Все тѣмъ же берегомъ. Но словно Лета

Рѣчныя синеватыя струи
Пересѣкла струею чужеродной...
Надъ островерхой зеленью хвои
Несется вѣтеръ, шумный и холодный,

И гонить, гонить тучи на просторъ...
О, если бы, стихійной темной силъ,
Забвенію, судьбѣ наперекоръ,
Мы жаръ и пламень въ сердцахъ сохранили!

Не страстный, не болѣзненный, — другой,
Огню плавильнаго подобный горна,
Гдѣ искры сыплются во мракъ ночной,
Гдѣ молотъ бьетъ, тяжелый и упорный.

Холодный, синій свѣтъ. Недвижный воздухъ.
Молчанье. Тишина.
Огромныя, торжественныя звѣзды.
Лишь изрѣдка одна

На высотѣ разсыплется блистая...
И холодомъ дыша,
И холодомъ на холодъ отвѣчая,
Ты крѣпнешь, о, душа!

Одна, совсѣмъ одна, во мглѣ морозной,
Въ пустынь мировой, —
Ты въ этотъ строй, сверкающій и грозный,
Несешь грознѣйшій строй.

ВЛАДИМІРЪ СМОЛЕНСКІЙ

Будуть жить въ тѣснотѣ — тѣсной станетъ земля, какъ
тюрема,
Будуть знать, что ни Бога, ни ада, ни вѣчности нѣту,
Выше тучъ изъ бетона и стали построятъ дома,
И большой дирижабль долетитъ до прекрасной планеты.

И когда зазвенитъ надъ кружащимся міромъ труба,
И когда надъ землей небеса распахнутся, какъ двери,
И погаснутъ огни, и откроются въ склепахъ гроба, —
То никто ничего не пойметъ и никто не повѣритъ.

ВОСПОМИНАНЬЯ

Воспоминанья о минувшихъ дняхъ,
Какъ надписи на плитахъ полустертыхъ,
Томятъ — какъ тѣни мертвыхъ въ душныхъ снахъ,
Пугають — какъ воскресше изъ мертвыхъ.

И стоитъ только мнѣ глаза закрыть,
Какъ все, что я считалъ давно ушедшимъ,
Вдругъ начинается новой жизнью жить,
Мѣшая настоящее съ прошедшимъ.

И всѣ мечтанья, мысли и дѣла,
Которыхъ нѣтъ и никогда не будетъ,
Сквозь прошлое мнѣ память пронесла,
Навѣки сохранить и не забудеть...

И ты — моя далекая любовь,
Чье тѣло истлѣваетъ на погостѣ,
Закрывъ глаза, тебя я вижу вновь,
Твое лицо, какъ изъ слоновой кости...

И развѣ я могу сказать сейчасъ,
Что насъ съ тобою смерть разъединила,
Когда твой профиль, ротъ, улыбку глазъ,
Ревнивая мнѣ память сохранила.

Ты не уйдешь изъ памяти моей,
Тебя я вижу наравнѣ съ другими,
Вотъ такъ же ясно, какъ и тѣхъ людей,
Которыхъ называютъ всѣ — живыми!

Мы съ тобой не уйдемъ отъ судьбы,
Мы грѣшны, мы безсильны,
Лучше такъ — безъ мольбы, безъ борьбы
На дорогѣ, на пыльной —
Лечь и ждать, когда тяжелой ступней
На сердца наступая,
Надъ тобою пройдетъ, надо мной
Огневая, слѣпая...
И принять эту боль, эту кровь
Молчаливо и строго,
Какъ возмездье суроваго Бога
За грѣхи и любовь...

Какъ въ водахъ темнаго колодца
Во мнѣ душа отражена.
Легчайшими крылами бьется
О гладь зеркальную она.

Сквозь толщу блѣднаго эфира
Доходятъ — слышныя едва —
Несуществующаго міра
Неясныя — какъ сонъ — слова.

И никогда не умирая,
Мѣняя только бытіе,
Кривится отраженьемъ рая
Сознанье темное мое.

Нѣтъ ничего — ни зла, ни блага,
Ни мудрости, ни правды нѣтъ —
Зеркальная темнѣеть влага,
Мерцаетъ отраженный свѣтъ!

Не кляни ни людей, ни Бога,
Не плачь о счастья земномъ,
Каждый вечеръ тайно и строго,
О себѣ молись и о немъ.

Все отниметь смерть и погубить,
Но любви не можетъ отнять.
Такъ умершаго сына любить
Больше живого мать!

Пройдутъ за годами годы
Неслышны, подобны сну,
Онъ встрѣтитъ тебя у входа,
Онъ помнитъ тебя одну!

Безильны мы, — обречены судьбѣ,
Томимы страхомъ, нищетой и скукой,
Въ тоскѣ смертельной я пришелъ къ тебѣ,
И ты ко мнѣ протягиваешь руки.

Молчи. Не надо о любви. Къ чему?
Вѣдь не спасетъ насъ ни любовь, ни вѣра.
Тебя прижалъ я къ сердцу моему,
Какъ прижимаютъ дуло револьвера.

Съ тобою въ цѣломъ мірѣ мы одни,
И я забылъ твое лицо и имя.
Вотъ догорятъ послѣдніе огни,
И я умру, и ты погибнешь съ ними.

Не плачь. Молчи — послѣдній свѣтъ погасъ.
Сейчасъ конецъ — пойми — сейчасъ надъ нами
Безильно вздрогнетъ и угаснетъ пламя,
И тьма падетъ, и тьма поглотитъ насъ!

ЕКАТЕРИНА ТАУБЕРЪ

Лишь нѣжность, смѣшанная съ болью,
Съ боязнью — это все пройдетъ,
Какъ тѣнь телѣгъ по чернополю,
Какъ первыхъ поцѣлуевъ медь —

Намъ отъ рожденія знакома,
До распыленья суждена;
Въ узоръ дорогъ, въ убранство дома
Непоправимо вплетена.

И только тамъ — за далью новой,
Гдѣ злой терновникъ не цвѣтетъ,
Сотрется съ радостнаго слова
Земной непрочности налетъ.

Дымки молочные надъ Савой
Во мглѣ предутренней дрожать.
Зари земной, зари кровавой,
Всегда похожей на закатъ,
За призрачными островами
Еще глазамъ не отыскать.
Качаетъ мѣрными толчками
Рѣка баржу, какъ люльку мать.
Затягиваютъ небо тучи,
Сжимаетъ горло злая страсть...
Съ какой колеблющейся кручи
Придется снова намъ упасть?

Юльскихъ дней знакомо всѣмъ молчанье
И въ полдень спятъ лѣнивыя моря.
Пески горять оранжевымъ сіяньемъ, —
Въ твоихъ глазахъ отсвѣты янтаря.

Ты, какъ песокъ, стихи пересыпаешь,
Надъ раскаленнымъ камнемъ ворожишь.
И длится годы, какъ любовь слѣпая,
Надъ моремъ опрокинутая тишь.

И руки жжетъ любовное дыханье
Навѣки успокоенныхъ пустынь, —
Какъ будто нынѣ кончены скитанья
И скошена со всѣхъ степей полынь.

Какъ страненъ вкусъ твоихъ морозныхъ губъ,
Какъ голову ты наклоняешь низко!
Глаза твои... Ихъ взгляды мнѣ сталь не любь,
Глаза твои я вижу слишкомъ близко.

Зеленые, какъ жесткая трава,
Они когда то синими казались.
Въ ихъ глубинѣ тонули острова,
Влюбленные отъ міра укрывались.

И такъ хотѣлось душу уронить
Въ ихъ синеву, для вѣчнаго веселья.
Но день пришелъ — разрушить и сломить,
Но день прошелъ послѣдняго похмелья.

Качаются громадныя круги,
Вино темнѣетъ, точно лужа крови,
А за окномъ, гдѣ не видать ни зги,
Я слышу плачь, — не дѣвичій, а вдовій.

Валерію Брюсову.

Тисненый черный переплеть,
Какъ снѣгъ, прохладныя страницы;
Откроешь, — медленно плыветъ
Стиховъ застывшихъ вереница.

О, холодъ сладострастныхъ строкъ,
Незабываемый вовѣки!
О, страшный прошлаго урокъ!
О, мертвыя моря и рѣки!

Закрою пальцами лицо,
А книги закопаю въ землю.
Уйди, уйди! Твое кольцо,
Твое наслѣдье не приѣмлю.

И слова радостнаго «братъ»
Тебѣ не вымолвлю при встрѣчѣ.
Мнѣ руки жжетъ бѣсовскій кладъ,
Предъ гробомъ вспыхнувшія свѣчи.

Вернись въ великолѣпный склепъ,
Забытый Богомъ и святыми.
Пусть садъ мой малъ, пусть взглядъ мой слѣпъ,
Но я живу, но я съ живыми.

Я тебя никогда не встрѣчала,
Я не знаю, — ты былъ или есть;
Знаю только: сдвигаешь ты скалы,
Мысли тайныя можешь прочесть.

За меня, за мое воскресенье
Ты положишь и душу, и плоть.
Знаю, любишь меня, какъ мученье,
Что святымъ посылаетъ Господь.

Мой послѣдній оплотъ и ограда,
Рвусь къ тебѣ, врачевателю ранъ.
Бѣсноватую Иродіаду
Только ты исцѣлишь, Іоаннъ.

ФРАНЦУЗСКІЕ ПОЭТЫ

1 П. Верлэнъ

Классическая осень отшумѣла.
Снѣгъ падаетъ — безсильный, свѣтлый снѣгъ:
Его сметутъ смѣшно и неумѣло,
Его растопчутъ тысячи телѣгъ.

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій! Холодъ
Сжимаетъ сердце. Въ ясной темнотѣ
Прозрачный храмъ... Верлэнъ здѣсь жилъ, былъ молодъ,
И въ чудо вѣрилъ въ этой тѣснотѣ.

Вдоль берега вечерняго канала
Походкой легкой шелъ онъ, и весна
Ласкала кудри, платье развѣвала,
Какъ будто крылья трогала она.

Безъ нѣжности, безъ счастья, безъ признанья!
Поэтъ любилъ, а городъ застывалъ
Въ сугробахъ снѣга. Голодъ и молчанье.
Врагъ наступалъ, преступникъ бунтовалъ

И, заревомъ пожаровъ освѣщенный,
Рэмбо, сквозь стражу вражескихъ штыковъ,
На зовъ твой крался въ городъ осажденный,
Въ столицу бунта, славы и стиховъ.

Молюсь всему: лучу въ твоей темницѣ,
Дѣламъ убійцы, пьяницы, лжеца,
Твоей Маріи въ одѣяньи жницы,
Чужому Сыну твоего Отца.

И призракъ — сгорбленный, высоколобый,
Въ плохомъ плащѣ — стоитъ у фонаря;
Не съ галльской легкостью, со скиѣской злобой,
Рветъ вѣтеръ въ клочья небо ноября.

А завтра утромъ, вдоль пустой панели
Старикъ пойдетъ, шатаясь, въ стыдный домъ,
Чтобъ дѣти Бога радовались, пѣли
И долго, долго плакали по немъ.

2 Артуръ Рэмбо

Короткоштаннй пасынокъ Війона,
Нечистый воротникъ, пухъ въ волосахъ;
Вы для народа оба внѣ закона
И не любимы тамъ, на небесахъ.

Подъ звонъ тарелокъ, въ кабакъ убогомъ
Кончай свой ужинъ съ другомъ, а потомъ
Читай стихи предъ вѣчно пьянымъ богомъ,
Закутаннмъ въ дырявое пальто.

И ширится сквозь переулокъ грязный
Просторъ, и вдругъ, среди хрустальныхъ водъ
Качается въ тактъ музыки безсвязной
На захмѣлѣвшемъ бригѣ мореходъ.

Что видѣлъ грѣшникъ, не принявшій славы,
Что понялъ въ мѣрѣ — сразу, свысока,
Смотря съ борта на чахлыя агавы,
На скудость чернаго материка?

Но, ослѣпленный внутреннимъ сіяньемъ,
Онъ душу потерялъ, онъ сталъ безъ крылъ,
Сталъ мудрымъ несказаннымъ, новымъ знаньемъ,
И никогда о немъ не говорилъ.

О, никогда! Суровый кругъ смыкая,
Поэтъ молчалъ о чемъ то до конца,
Чтобъ волновала насъ судьба слѣпая,
Судьба Рэмбо, безвѣстнаго купца.

3 Леконтъ де Лиль

«Міръ — стройная система, а разливъ
Неукрошенныхъ чувствъ доступенъ многимъ.
Поэтъ лишь тотъ, кто чувство подчинивъ,
Умѣеть быть достойнымъ, мудрымъ, строгимъ...»

Перчатки, отвороты сюртука,
И властный профиль — мнѣ такимъ онъ снится.
Онъ былъ скупымъ: спокойствіе песка,
Въ которомъ бѣшенный самумъ таится.

Онъ снится мнѣ, высокій и прямой —
Прямая линія присущи силѣ;
Былъ одинокъ всегда учитель мой:
Склонялись передъ нимъ, но не любили.

Онъ говорилъ: «Сверхличнымъ стань, поэтъ,
Будь вѣрнымъ зеркаломъ и тьмы и свѣта,
Будь прямъ и твердъ, когда опоры нѣтъ,
Ищи въ другихъ не отзвука — отвѣта.

И міръ для подвиговъ откроется, онъ твой.
Твоими станутъ звѣри, люди, боги;
Вотъ мой завѣтъ: пойми верховный строй —
Холодный, сдержанный, геометрично-строгий:

Снѣгъ на вершинахъ, сталь, огонь, алмазь
Богъ создалъ мѣрой высшей мѣры въ насъ!»

4 С. Маларме

Je me mire et me vois ange! et je
meurs et j'aime...

«Чухотка нынѣ генія удѣлъ!
Въ окно больницы льется свѣтъ потокомъ,
День, можетъ быть послѣдній, догорѣлъ,
Но ангель пѣлъ намъ голосомъ высокимъ.

Блуждали звѣзды въ стройной тишинѣ,
Міръ плылъ въ эфирѣ и часы стучали.
Лежать я буду: солнце на стѣнѣ,
На бѣлой койкѣ и на одѣялѣ.

Я въ этомъ пыльномъ городѣ умру —
Вдругъ крылья опущу и вдругъ устану,
Раскинусь чернымъ лебедемъ въ жару —
Пусть смерть въ дверяхъ, но я съ постели встану

Я двигаюсь, я счастливъ, я люблю,
Я вижу ангела, я умираю,
Я мысли, какъ корабль вслѣдъ кораблю,
Въ пространство безъ надежды отправляю.

Вот солнцем освѣщенный влажный лугъ,
Вот шелестъ вѣтокъ, паруса движенье...»
Поэтъ очнулся. Онъ глядитъ — вокругъ
Коляски, шумъ. Сегодня воскресенье.

Цвѣтутъ каштаны — о, живой потокъ!
Цвѣтутъ акаціи — о, цвѣтъ любимый!
Онъ шелъ, онъ торопился на урокъ,
Озлобленный, усталый, нелюдимый,

Остановился гдѣ то самъ не свой —
Духъ дышетъ тамъ, гдѣ хочетъ и гдѣ знаетъ —
Какая тема странная: больной
Въ общественной больницѣ умираетъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «К А Л У Г А»

1.

Сонъ мой, бредъ мой, дни мои былие!
Черезъ роковыя версты лѣтъ,
Въ будни золотыя, колдовскія
Снова разрывается просвѣтъ.
Замерцавшій въ улочкахъ свѣчами
Четверговыми, встаешь ты вновь,
Городъ съ колокольнями, съ грачами,
Гдѣ приснилась лучшая любовь,
Гдѣ весною, у хромого дома
Ворожа надъ дѣвушкой своей,
Синимъ, круглымъ глазомъ смотреть дрема
Въ позднее окошко изъ вѣтвей.
А зимою — снѣжнымъ вихремъ встанеть,
Застилая бѣлую постель,
Низко надъ домами въ узелъ стянетъ
Пурговья облака — метель.

Надъ бѣгущими полями, косо
Плача вешнимъ, рѣденькимъ дождемъ,
Рѣютъ сумерки, стучать колеса,
Проволоки льются за окномъ, —

Въ темномъ небѣ, надъ звѣздой раскосой,
Надъ далекимъ, тусклымъ янтаремъ.
Вотъ, сквозь сумракъ, стала приближаться,
Съ шумомъ налетѣла полоса, —
На двое разорванные, мчатся
По обѣимъ сторонамъ лѣса.
Завтра буду въ гости къ тремъ поповнамъ,
Возлѣ зимней лампы много разъ
Мнѣ писавшимъ — въ домикъ церковномъ,
За сто версть: «мы полюбили Васъ».
Раскрывается судьба, какъ повѣсть.
Шторка плещеть флагомъ корабля.
За окошкомъ обгоняють поѣздъ
Темныя пустынные поля.

Три сестры въ дверяхъ встрѣчаютъ: ждали.
Вѣтеръ вѣетъ отъ льняныхъ кудрей.
«Наконецъ-то! Мы вѣдь вамъ писали
О зимѣ, чтобъ ѣхали скорѣй».
Три сестры: Маруся, Тоня, Катя, —
Щурятся, смѣются, говорятъ.
За дверьми — три узенькихъ кровати
И раскрытыя окошки въ садъ.
Черезъ часъ, уставъ отъ всѣхъ волненій,
Отъ своихъ четырнадцати лѣтъ,
Пью въ столовой теплый чай съ вареньемъ,
Передъ тѣмъ осиливши обѣдъ.
Напихавши въ самоваръ почтенный
Можжевельнику отъ мошкарей,
Алексѣй Ивановичъ — смиренный
Божьей милостию іерей, —
Труднымъ увлекается пасьянсомъ.

За окошкомъ — смотритъ тишина,
И ложатся карты: черный съ краснымъ:
Смерть — весна. И снова: смерть — весна.
Темному вѣщанію внимая,
Чай допивъ, благодарю, встаю,
Пожимаю руки; пожимаю —
Съ тайнымъ счастьемъ — теплую — твою.
Отъ усталости и отъ истомы
Мягкой, сладкой кажется кровать.
За окномъ, въ дубовыхъ листьяхъ, дрема
Возится, укладываясь спать.

2.

Ночью выпалъ снѣгъ: внезапный, синій,
Повалилъ на церкви, на сады;
Улицы нѣжныѣ и пустынный
Стали въ таломъ запахѣ воды.
Къ утру въ полусвѣтѣ синеватомъ
Оснѣженныхъ крышъ, домовъ, оградъ,
Тонко, далеко и хрипловато
Пѣтухи пропѣли — въ снѣжный чадъ.
Будній, скучный день; въ стеклѣ оконномъ
Вѣтви дуба черныя и снѣгъ;
А въ саду качаются вороны
И съ вѣтвей стряхаютъ мокрый снѣгъ.
Каркнуть, комъ уронять и присядутъ,
Замахаютъ... тонуть — въ снѣжный чадъ.
А въ снѣгу, у сѣренькой ограды,
Кустиками чортики торчатъ.

Синій вечерь. Дали пурговья
Коченѣють въ сизой темнотѣ.
Молится въ пелены снѣговья
Сердце, предстоящее мечтѣ.

Закрутились бѣлой вьюгой черти,
Улетѣли въ снѣжный переплетъ.
Теплымъ, майскимъ вечеромъ, въ концертѣ,
Танцовали дѣвушки матлотъ.
Легкія, кружась, мелькали ноги,
Въ сладостную уводя мечту.
Заль глядѣль, сіяющій и строгій,
Въ окна, въ росяную темноту.
За окномъ, — склоненнымъ силуэтомъ, —
Сторожитъ въ дремотѣ у окна,
Воздыхаетъ по нездѣшнимъ свѣтамъ,
Сумерками ворожитъ — весна:
Прогнусаивитъ скрипкою густою,
Легкою слезою заблеститъ,
Тусклою полоской заревою
Вдалекѣ заляжетъ — и груститъ...

Дома ждутъ насъ. Натеревшись на ночь
(Поясница и притомъ — года),
Возлѣ лампы Алексѣй Ивановъ,
Намъ наливши чаю, — какъ всегда,
Труднымъ услаждается пасьянсомъ;
Щурясь, смторитъ; «Вотъ и май пришелъ».
И ложатся карты — черный съ краснымъ —
Письменами вѣщими на столъ.
И ложатся карты, и прядется
За окномъ кудель самой Судьбы...

«Знаете, что загадалъ? — сойдется,
Значить, будутъ этотъ годъ грибы.
Прошлый годъ — никто бы не повѣрилъ,
Сколько было прошлый годъ грибовъ...»

Все раскрыто. Въ радостныя двери
Входить, удивленная, любовь.

ЕВГЕНІЙ ШАХЪ

Осенній день разставилъ сѣти,
Безшумно падаетъ вода,
На счастье ландыша букетикъ
Ты подарила мнѣ тогда.

О, эти пепельныя тучи
И одиночество опять;
А дней пустыхъ песокъ летучій
Ужъ началъ память засыпать.

Я не могу сопротивляться,
И сыпется сухой песокъ...
Ты по песку бѣжишь купаться,
И съ визгомъ лаеетъ твой щенокъ,

Онъ скачетъ на короткихъ лапахъ
И хочетъ ногу укусить...
Лишь ландыша минорный запахъ
Ничто не въ силахъ заглушить.

Все тише смѣхъ, сѣдѣетъ волосъ,
Туманъ и дождь на берегу...
А ландыша тончайшій голосъ
Еще звучитъ въ моемъ мозгу.

Средь отблесковъ зеркальнаго стекла
Опять твоя улыбка расцвѣла;

А сквозь нее по прежнему видна
Брильянтовъ неземная бѣлизна;

Но чтобъ украсть улыбку не могли
Рѣшетки выросли изъ подъ земли.

До вечера я стерегу, какъ стражъ,
Увы, не отраженіе — миражъ.

Стемнѣло, желтый свѣтъ зажгли въ окнѣ,
Твое лицо скользнуло по стѣнѣ

И вынырнуло вновь передо мной
Въ аптечномъ шарѣ съ голубой водой...

И въ комнатѣ моей о слѣпотѣ скорбя,
Сквозь вѣки въ темнотѣ я вижу вновь тебя.

Такъ легко идти путемъ разлуки —
Далеко, навѣки уѣзжать.
Тянутся еще другъ къ другу руки,
Но сердце не могутъ удержать.

Мягко, какъ земля на крышку гроба,
Падаютъ тяжелыя слова...
И о чемъ еще?.. Томятся оба,
А любовь давно уже мертва.

Пусть въ суетѣ мелькають дни и годы,
Какъ въ поѣздѣ столбы передъ окномъ.
Мы всѣ боимся бремени свободы,
Но лицемѣрно этотъ міръ клянемъ.

Отъ міра такъ легко отгородиться —
Не думать только, что тамъ, за стѣной —
Покорно ляжетъ чистая страница,
Пугающая мертвой бѣлизной...

И все навѣки, все непоправимо,
Такъ страшно — не стереть... не зачеркнуть...
Въ блаженной суетѣ проходятъ годы мимо,
И случай намъ указываетъ путь.

ВСТРѢЧИ

I

Съ тобой вдвоемъ въ туманной темнотѣ
Итти по улицамъ подъ шопотъ вѣтра.
Все, все не то — слова твои не тѣ,
Глаза твои, улыбка безъ отвѣта.

Твое лицо на бѣлизнѣ стѣны
Чернѣетъ тонкою китайской тѣнью.
Я знаю — мы навѣкъ разлучены.
Но — для чего? И по чьему велѣнью?

Ты будешь пить безъ ропота до дна
Вино и горечь, въ страхѣ засыпая.
Но, Боже мой! Моя любовь сильна,
Нелѣпая, безумная, слѣпая!

Я запомню этотъ блѣдный вечеръ,
Троттуаръ пустынный подъ окномъ.
О случайной и послѣдней встрѣчѣ
Долго буду вспоминать потомъ.

Желтый снѣгъ лежитъ на крышахъ мокрыхъ,
Падаетъ на землю безъ конца.
Отражаются въ туманныхъ стеклахъ
Два пятна, два мрака, два лица.

Мы простимся у слѣпого входа
Тихо, не цѣлуясь, не спѣша.
О, какъ тягостна теперь свобода
И страшна нелѣпая душа.

Мы сидѣли съ тобой. Въ стеклянную дверь
Стучался весенній вѣтеръ.
Я люблю тебя... Нѣтъ, не вѣрь, не вѣрь!
Ворвался. Ты не замѣтилъ.

Ничего не надо. Не говори.
Что это — утро? Поздно!
Въ синемъ небѣ — какъ фонари —
Горятъ стеклянные звѣзды.

Въ туманномъ сумракѣ, безъ лица
Зрочки — застывшіе взгляды.
Теперь я знаю: такъ до конца
Мнѣ ничего не надо.

Другъ, не бойся — такъ не страшенъ страхъ,
Память вѣчная прошедшихъ дней.
Одинокій свѣтъ въ ея глазахъ
Будеть все упорнѣй и темнѣй.

Другъ, не бойся — думай не спѣша
О потерянной твоей любви,
И того, о комъ груститъ душа,
Больше на разсвѣтъ не зови.

Другъ, не бойся — сны мои тихи,
Даже ихъ я съ радостью отдамъ...
Научи ее любить стихи,
Пѣсни пѣть тебѣ по вечерамъ.

И отъ новыхъ слезъ, какъ отъ вина,
Опьянѣютъ прежніе года.
Другъ, не бойся — не твоя вина,
Что любви не будетъ никогда.

Вотъ кончилась любовь — и снова тихо,
И снова рифмъ не подобрать къ стиху.
Стучить машиной за стѣной портниха
И грамфонъ играетъ наверху.

Живу опять — живу смѣшно и скупю,
Вдали проходятъ праздные года...
Такъ глубоко съ небеснаго уступа
Навѣрно ты не падалъ никогда.

Это бѣлое небо надъ узкимъ дворомъ,
Этотъ бѣлый день, этотъ бѣлый домъ;

Эта блѣдная туча бѣла и низка,
Но блѣе ея ледяная тоска.

Отъ тоски ледяными ночами бѣгу,
Но слѣды остаются на бѣломъ снѣгу;

И любви — не забыть, и слѣдовъ — не стереть,
Только бѣлою смертию сейчасъ умереть.

СОДЕРЖАНІЕ

И. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

Пепель	5
Проваль въ Пятигорскѣ	6
Меланхолія	7
Анкона	9
Моллюски	10

А. ДУРАКОВЪ.

Душа моя растеть и ширится	11
Аріонъ	12
Словно море прихотлива	13
Позабуду-ль о лѣтней были	14
Элегія	15

Ю. МАНДЕЛЬШТАМЪ.

За окномъ морозная луна	16
Говорить о любви, о стихахъ	17
И снова недоговоренность	18
Любить несуществующихъ друзей	19
Что этотъ міръ	20
Влюбленный плачетъ послѣ встрѣчи	21

Г. РАЕВСКІИ.

Бѣжить рѣка — и нѣтъ ей дѣла	22
Я ровно тридцать насчиталъ	23
И мы идемъ растерянно съ тобой	25
Холодный, синій свѣтъ	26

В. СМОЛЕНСКІЙ.

Будуть жить въ тѣснотѣ	27
Воспоминанья о минувшихъ дняхъ	28
Мы съ тобой не уйдемъ отъ судьбы	30
Какъ въ водахъ темнаго колодца	31
Не кляни ни людей, ни Бога	32
Безильны мы, — обречены судьбѣ	33

Е. ТАУБЕРЪ.

Лишь нѣжность, смѣшанная съ болью	34
Дымки молочные надъ Савой	35
Юльскихъ дней знакомо всѣмъ молчанье	36
Какъ страненъ вкусъ твоихъ морозныхъ губъ	37
Тисненный черный переплетъ	38
Я тебя никогда не встрѣчала	39

Ю. ТЕРАПІАНО.

Французскіе поэты:

П. Верленъ	40
А. Рэмбо	42
Леконтъ де-Лиль	44
С. Малларме	45

К. ХАЛАФОВЪ.

Изъ поэмы «Калуга»	47
--------------------------	----

Е. ШАХЪ.

Осенній день разставилъ сѣти	52
Средь отблесковъ зеркальнаго стекла	53
Такъ легко идти путемъ разлуки	54
Пусть въ суетѣ мелькаютъ дни и годы	55

Т. ШТИЛЬМАНЪ.

Съ тобой вдвоемъ въ туманной темнотѣ	56
Я запомню этотъ блѣдный вечеръ	57
Мы сидѣли съ тобой	58
Другъ не бойся, такъ не страшень страхъ	59
Вотъ кончилась любовь	60
Это бѣлое небо надъ узкимъ дворомъ	61